

ОТ РЕДАКЦИИ

БОРИС МЕЖУЕВ

Главный редактор альманаха «Самопознание»

Русская философия традиционно была обращена в сторону Европы, а «русская идея» в интерпретации Достоевского, Вл. Соловьева и Бердяева оказывалась нацелена на духовное объединение или же преобразование Запада. О Востоке и об Азии русская мысль думала реже, и, тем не менее, Восток периодически занимал русских мыслителей. Более того, в некоторые периоды нашей истории Россия начинала воспринимать себя как по преимуществу «азиатскую» державу. Русские, надо признать, всегда мечтали кого-то объединить — то славян, то пролетариев всех стран, то угнетенные народы мира, то сторонников традиционных ценностей.

Было время, в конце XIX — начале XX в., когда многие выдающиеся умы нашего Отечества мечтали объединить всю Азию под скипетром русского Царя. Этим людей в западной историографии принято называть «восточниками». О том, кем были эти «восточники» и кому мы обязаны происхождением этого термина, рассказывает в своей статье в представляемом вниманию читателя пятом выпуске альманаха «Самопознание» московский историк Лекха Жукова. Она подтверждает ранее высказанную нами гипотезу, что слово «восточник» почти никогда не употреблялось для самообозначения, в том числе и теми мыслителями, кто — как князь Эспер Ухтомский или же писатель и путешественник Сергей Сыромятников — действительно звал Россию на Восток. Между тем, статьи этих людей могли оказывать влияние на воображение молодого по-

коления деятелей русской культуры, и можно допустить, что одним из тех, кто был захвачен идеей «восточного» призвания России, был и молодой Александр Блок.

Наш пятый выпуск называется «Обернувшись на Восток» и посвящен он «восточнической» традиции в русской философской мысли. Прежде всего, мы хотели поговорить с пионерами изучения русского «восточничества» на Западе — ведь и сам термин «восточничество» вошел в научный оборот именно на Западе. Увы, в марте нынешнего года скончался патриарх западной русистики, выдающийся историк и мыслитель Мануэль Саркисянц, автор книги «Россия и мессианизм Востока»: о его творчестве и последних днях жизни рассказывает в интервью нашему изданию друг и коллега Мануэля Саркисянца по работе в Гейдельбергском университете Штефан Гэй. Роль Саркисянца — не столько даже в изучении, сколько в проникновении в сам дух русского «восточничества», что отмечают и другие исследователи — канадский автор Дэвид Схиммельпэннинк ван дер Ойе и американский историк чешского происхождения Милан Хаунер.

«Восточническую» традицию в русской мысли продолжили евразийцы, которые, тем не менее, не хотели считать себя преемниками идеологов русского самодержавия кризисной эпохи и поэтому на них никогда не ссылались. Россия-СССР, новая коммунистическая идеократия, была для них гораздо более органичным национальным образованием, чем петербургская

империя, устремившаяся к Тихому океану. Впрочем, к творчеству одного из «восточников» евразийцы (некоторые из них) относились с большим интересом: речь идет о Николае Федоровиче Федорове, стороннике идеи «воскрешения отцов». Один из евразийцев второго поколения Константин Чхеидзе, некоторые материалы из пражского архива которого публикует в настоящем выпуске Анастасия Гачева, пытался соединить идеи евразийства и «философии общего дела» Федорова, и эта попытка оказалась небесплодной. Своего рода посредствующим звеном между «восточничеством» и «евразийством» можно считать «азиатскую» концепцию такого интересного писателя и мыслителя, как Всеволод Никанорович Иванов, которому посвящает свою отдельную статью Василий Ванчугов.

Определенное внимание мы уделяем в этом выпуске и критикам русского евразийства и восточничества. Номер открывается большим исследованием публициста Егора Холмогорова, который разоблачает некоторые «восточнические» и «азиатфильские» мифы, дающие слишком оптимистический и благодушный взгляд на отношения России и держав Востока. Сквозной линией в рассуждениях некоторых авторов, и в частности

историка русской философии Рустема Вахитова, выступает альтернативная евразийству концепция «Острова Россия» покойного мыслителя Вадима Цымбурского. Если Холмогоров противопоставляет идею «Острова Россия» евразийству, то Вахитов, напротив, считает, что сама эта противоположность была выведена Цымбурским довольно искусственно, и, по существу, автора «Острова Россия» можно с полным основанием отнести к геополитической школе Петра Савицкого, пусть и со значительными оговорками.

Надеюсь, скоро будет опубликована докторская диссертация Вадима Цымбурского «Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков», где евразийству посвящена целая глава, и это позволит нам с большим основанием ответить на вопрос — был ли Цымбурский скрытым евразийцем, или его взгляды представляли реальную альтернативу этому геополитическому учению.

Пока же мы надеемся, что данный выпуск станет поводом для выпуска новых — как переводных, так и оригинальных — книг о «восточном» развороте «русской идеи», а мы на почти одноименном сайте постараемся об этом сюжете не забывать, но возвращаться к нему снова и снова.